

СЕРГЕЙ
Зверев

ПРИКЛЮЧЕНЧЕСКИЙ БОЕВИК
БАСТИОН

ДРУГИЕ
БЕССМЕРТНЫЙ ВЗВОД

Бастион

Сергей Зверев

Другие. Бессмертный взвод

«ЭКСМО»

2013

Зверев С. И.

Другие. Бессмертный взвод / С. И. Зверев — «ЭКСМО»,
2013 — (Бастион)

Спецназовцы майора Стольникова переправляются через Тоннель Времени в параллельный мир, в так называемую Другую Чечню на поиски опасного преступника. В процессе выполнения задания им становится известно, что здесь, в параллельном мире, действует радикальная исламская группировка, лидеры которой планируют провести серию терактов на территории современной России. Стольников принимает решение остановить террористов и начинает подготовку к операции по их уничтожению. Но исламисты опережают майора и наносят удар первыми: они атакуют спецназовцев превосходящими силами и зажимают группу Стольникова в тиски. Путь к отступлению отрезан, помощи ждать неоткуда, и десантники принимают неравный бой...

© Зверев С. И., 2013

© ЭКСМО, 2013

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	11
Глава 3	16
Глава 4	23
Глава 5	33
Глава 6	38
Конец ознакомительного фрагмента.	39

Сергей Зверев

Другие. Бессмертный взвод

© Зверев С., 2013

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2013

Все права защищены. Никакая часть электронной версии этой книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме и какими бы то ни было средствами, включая размещение в сети Интернет и в корпоративных сетях, для частного и публичного использования без письменного разрешения владельца авторских прав.

Глава 1

После того как группа майора Стольниково оказалась отрезанной от большой земли и застряла в Другой Чечне, прошло две недели. Полковник Ждан, человек Аль-Каиды, не спал ночами. Большую часть суток он использовал на поиск разведчиков, но наступал вечер, и Ждан с отчаянием вынужден был смиряться с неприятной мыслью. Да, Стольников неуловим. На полковника все сильнее давили руководители исламистского движения, но ни о какой подготовке к операциям на территории России и за ее пределами не могло идти и речи. Пока на запретной территории действовала разведгруппа, возглавляемая одним из лучших командиров минувшей чеченской войны, любой план находился под угрозой провала. Восток кипел, Россия упрямо завоевывала политический авторитет, утраченный за последние десятилетия, Афганистан и Ирак, напротив, затихали. Для решения задачи по исламизации материка требовалась новая политика, и уже просто смешно было слушать доклады полковника о том, что дело стоит. Восемь русских военных, оставленных в Другой Чечне умирать, наотрез отказывались предоставлять подтверждение своей гибели. Не было найдено ни трупов, ни доказательств, что кто-либо видел таковые.

Полковник Бегашвили, отказавшийся сотрудничать и оставшийся на стороне погибшего генерал-полковника Зубова, по-прежнему находился в тюрьме «Мираж». Для него и десятка неверных, пренебрегших делом ислама, была выделена одна общая камера. Прежде таковых в «Мираже» не имелось, так как изначально было задумано содержать пленников в одиночках. И тогда Каримов, главная опора Ждана в этой тюрьме, велел организовать для федералов одну большую камеру. Ради этого был освобожден от излишних удобств туалет, которым пользовался персонал. Снесены перегородки кабинок, отключены вентиляция и внутренний свет. Туда-то и поместили полковника Бегашвили, бывшего командира батальона при НИИ, и десяток его людей, офицеров и солдат.

Все было готово к операциям на Северном Кавказе. И только группа Стольниково препятствовала реализации великих дел.

А как удачно складывалось дело! Почти все, кто побывал в Другой Чечне в мае двухтысячного года, были собраны в одном месте и загнаны в ловушку. В ней оказались заперты едва ли не все свидетели самого факта существования Другой Чечни. Исключение составляли двое: старший лейтенант Пловцов, штурман вертолетного полка, дислоцировавшегося в начале двухтысячных в Грозном, и сержант Крикунов. Они не вышли к месту сбора, объявленному Стольниковым, не появились и тогда, когда группу собирал Зубов.

Да, самое главное в том, что в Другую Чечню вместе со Стольниковым отправился генерал-полковник Зубов! Начальник Управления исполнения наказаний на Северном Кавказе и тюрьмы «Мираж», самый информированный о Другой Чечне человек – он добровольно отправился в западню вместе с приговоренным к смерти Стольниковым и его людьми! Что могло быть лучше для Ждана, уже назначенного наместником этой территории, пока еще никому не известной?

Зубов погиб. Люди убитого Вакуленко, взятые под командование майором Смышляевым, отыскали место последнего привала разведгруппы, а неподалеку от него – могилу. В ней лежал генерал Зубов, череп которого был разбит пулей. Ждан понял, что тут приключилось. Зубов догадался, что вакцина, которой прививались жители поселка Южный Стан, стала действовать и на него, и покончил с собой. Рация, находящаяся при нем и игравшая роль маячка, лежала рядом с могилой. Кто-то раздавил ее каблуком армейского ботинка. Конечно, Стольников.

После визита Стольниково в НИИ, когда карты были открыты и таиться уже не имело смысла, Ждан был уверен в том, что возвращение этого героя в Другую Чечню означает его

гибель. Территория кишела разбежавшимися потерянными, оставалось немало и солдат Вакуленко. Западная часть контролировалась боевиками, засевшими в «Мираже». Эта местность не годилась для постоянного проживания. Дичи мало, вода, правда, есть, но нельзя же месяцами жить только ею и верой в скорое освобождение!

«Главное, чтобы он не повел людей на север», – с тревогой думал Ждан.

Когда полковник понял, что Стольников жив и умирать не собирается, он решил действовать. Давление на наместника Другой Чечни, Священной территории Аллаха, стало непереносимым. С разведгруппой пора было кончать. Свято место пусто не бывает. Сегодня ты наместник Аль-Каиды на Священной территории Аллаха, а завтра – нукер или покойник. Люди, стоящие над Жданом, готовы были платить огромные деньги за исполнительность. Но им ничего не стоило и перерезать ему горло за отсутствие или недостаточность таковой. Ждан сообразил, что его будущее зависит только от того, как скоро он покончит со Стольниковым и его людьми, застрявшими костью в горле. Он настроился на действие.

И еще, конечно же, Ирина...

Две недели она жила в квартире отца в военном городке при НИИ и уезжать, по-видимому, не собиралась. Да и кто бы ей теперь позволил?! Еще пятнадцать дней назад Ждан готов был силой выгнать ее за территорию. Именно на этом и строился план распространения информации о Другой Чечне. Но теперь ситуация изменилась. Ждан выяснил, что в Другой Чечне есть нечто посильнее керия и величественнее идеи исламизации материка. Сейчас дочери генерала Зубова за пределами Чечни делать нечего. Слишком велик риск.

Ждан хотел отправить ее восвояси. Немало сил он потратил и на то, чтобы отказаться от близости с этой женщиной. Совсем недавно полковник готов был просить у генерала Зубова руки дочери, но наступили времена, когда пришлось выбирать. Решение было принято не в пользу девушки. Ждан формально отказался от нее, но фактически никак не мог заставить себя забыть Ирину. Его тянуло к ней так же неудержимо, как паром стремится к берегу. Сверху еще не прозвучала команда «убей», но полковник не сомневался в том, что скоро это случится. Он знал крутой нрав генеральской дочери и не решался силой выдворить ее из Ведено. Никто не мог предсказать, что она сделает в этом случае. Вдруг взбудоражит общественность, и со всех концов света нагрянут репортеры? Ждану ничего не стоило возбудить интерес девушки к Другой Чечне, когда та о ней еще ничего не знала. Что же она сделает, когда начнет мстить?

Смерть отца девушка переживала глубоко, но без истерик. Ждан заметил, что она не убивалась настолько, чтобы потерять разум. Он знал истинную причину такой сдержанности. В Другой Чечне находился Стольников. Человек, перешедший дорогу Ждану во всех смыслах. Утратив отца, Ирина ждала возвращения дорогого ей мужчины.

Ждан не хотел рисковать. Нужно выжидать, не совершать опрометчивых поступков. Ирина будет с ним. Главное, разобраться со Стольниковым и уберечь девушку от тех, кто поставил полковника наместничать на Священной земле Аллаха.

Надо успеть найти то, на поиски чего потрачено уже более двух лет.

Мысль о том, что русский не может вечно исполнять роль жертвы, Ждану в голову, разумеется, приходила. Он при власти на Священной земле, куда не решен вопрос с неуловимым майором-разведчиком. Полковник был достаточно умен, чтобы понимать – русскому нечего делать на Священной земле. Как только Ждан своими руками сделает всю черную работу, его место уже внутри Другой Чечни займет настоящий исламист. Из тех правоверных, которые готовы жечь города и резать крещеных детей. Ждан знал, что случится, когда его роль загонщика и чистильщика будет сыграна. В физике существует такое понятие: «точка росы». Как только соединение холодного и горячего становится непереносимым для обеих сторон, возникает влага. Она губит дома, заставляет болеть и умирать все живое. Точка росы для него – гибель группы Стольникова. Нужно будет позаботиться о себе и Ирине к той минуте, когда холодное соединится с горячим.

Сорок миллионов долларов в зарубежных банках, три дома на Средиземном море, инвестиции в арабское строительство в Дубаи. Аль-Каида хорошо платит людям, готовым ей служить. Тем, разумеется, слово которых имеет какое-то значение в России. Ждан входил в число этих избранных. До тех пор, пока его хозяева не придут к обратному выводу.

Полковник знал, что обратной дороги нет. Стольников не простит смерти Зубова. Этот герой будет мстить до конца. Даже умирая, он станет грозить расправой в лучшем мире и исполнит свое обещание. Так что даже райские кущи Ждан теперь рассматривал не иначе как место встречи с майором. Кругом таилась опасность, но ведь несколько лет назад полковник сам выбрал такую жизнь. Он принял правила игры и теперь, как человек здравомыслящий, ни о чем не жалел. Главное, вовремя уйти. Доделав все дела и освободившись от колпака, которым до сей поры был прикрыт. Он сумеет это сделать. Но прежде надо уничтожить Стольникова. Встреча с майором на небе полковника пугала не так сильно, как свидание с ним на земле.

Ждан ожидал попытки прорыва разведгруппы через центральный вход. Предусмотрев такую возможность, он установил в холле круглосуточное дежурство взвода охраны лабиринта. Тридцать человек, вооруженные огнеметами, автоматическими гранатометами и ротными пулеметами, ожидали встречи с разведчиками, готовыми прорваться в привычный мир из Другой Чечни. Но Стольников не появлялся. Прошел день, второй, третий, и Ждану стало ясно – майор увел своих людей в глубь территории, чтобы принять решение. Одному Аллаху известно, что теперь ждать от него.

Ждан вмял в пепельницу окурок, сел в кресло и прошептал:

– Думаю, Аллаху тоже неизвестно, что решил этот майор.

Шел тринадцатый день. За все это время о майоре Стольникове не было слышно абсолютно ничего. Ни боевики Каримова в «Мираже», ни люди майора Смышляева за почти две недели, что минули с момента последнего боя, не могли утверждать с уверенностью, живы Стольников и его люди или нет. Это были самые тяжелые дни. Каждый вечер со Жданом связывался резидент Аль-Каиды. Ждать больше было нельзя.

– Почему он не пытается выйти из Священной земли?

– Потому что не идиот, – отвечал Ждан.

– Чего же ждет этот майор? Не намеревается же он прожить там до старости?

– О старости он и не думает.

– А о чем он думает? Скажи мне, русский полковник!

– Прежде всего о том, как отрезать голову всем тем, кто повинен в смерти близких ему людей.

– Так найди и убей его! Мы больше не можем ждать! Или голова слетит с твоих плеч!

– А чью голову вы поставите сюда? Кто-то умеет управлять организмом НИИ? Или, быть может, знает о Другой Чечне больше меня?

– Если глупый русский лейтенант космических войск сумел стать наместником Священной земли, значит, его может сменить любой образованный правоверный мусульманин. Не забывай об этом, полковник. Мы дали тебе все. Ты не хочешь поделиться даже малостью.

– Я поделюсь. Обещаю.

– Когда?

– Дайте мне время.

– Хорошо, полковник Ждан. Мы даем тебе время – три дня. Если через семьдесят два часа ты не доложишь об уничтожении людей Стольникова и не покажешь нам их трупы, то тебе придется передать дела своему преемнику.

Ждан знал, что это значит. Ибрагимов, его тень, темным визирем ходил вокруг кабинета своего начальника.

«Ибрагимов!.. – подумал Ждан. – Что он умеет кроме поджога домов и вырезания их жителей?»

– Не беспокойтесь, эта задача будет решена, – подтвердил он.

– Надеемся. Потому что не хотим терять человека, в которого вложено столько... – несколько секунд в трубке висела тишина, а после Ждан услышал дикий, пропитанный бешенством крик: – Столько бабла и внимания, мать твою, сука!.. Выполни задачу и властвуй на Священной земле! А если нет – я лично приду за тобой!

Ждан спокойно положил трубку. Время точки росы было обозначено несколько секунд назад. За трое суток нужно сделать очень многое. Но в первую очередь – найти и придушить разведгруппу, исчезнувшую в Другой Чечне.

Да, над ним нависла реальная угроза, но больше всего он страшился не расправы со стороны работодателей. Ждан боялся, что не успеет завершить дело, которое могло бы стать главным в его жизни. Два года назад он узнал об Источнике. Его поиск был смыслом жизни в течение последних двух лет.

Ждан открыл сейф, вынул из него телефон космической связи, вставил в него новую батарею, быстро сменил настройки и нажал на вызов.

– Я слушаю, – донеслось из аппарата через минуту.

– Ты что, где-то оставляешь телефон? – спросил Ждан.

– Нет, просто порезался и заклеивал рану пластырем.

– Как дела?

– Я обследовал квадрат тридцать шесть – шестьдесят, но ничего не обнаружил.

– С такими темпами ты найдешь Источник через пятьдесят лет!

– Я остался один и вряд ли могу делать здесь то, что не под силу сотне археологов!

Ждан стиснул зубы и сбавил обороты. В конце концов, тот человек, который говорил с ним, был прав. Он не пиво в баре пьет. Там нет баров, женщин и вообще ничего такого, что могло бы отвлечь от работы.

– Но ты можешь порадовать меня хоть чем-то?

– Послушай!.. После исчезновения напарника я облазил с приборами тысячи мест и уже начал сходить с ума! Три дня назад я рискнул войти в Город и чуть не ополоумел за полчаса поиска! У меня мало медикаментов, патроны на исходе, я забыл, как выглядит постель и звучит женский голос. Мне нужен отдых, понимаешь?

Ждан убрал аппарат от головы, беззвучно выругался, успокоился, снова поднес телефон к уху и сказал:

– Я понимаю, как тебе трудно. Но если Источник будет обнаружен, то все твои муки окупятся сторицей. Ты нашел записи второго? Ну не мог же человек два года назад так потеряться, чтобы ты ходил по этим местам и не обнаружил ничего, что свидетельствовало бы о его смерти!

– Я подумал...

– Что? – встрепенулся Ждан.

– А если он нашел Источник и исчез вместе с ним?

В глазах полковника потемнело. Он почувствовал, как в груди перевернулось сердце.

– Никогда!.. Никогда не смей говорить это! Ты слышишь?!

– Да-да, конечно. Просто я рассматриваю варианты.

– Это не вариант! Ищи Источник! Он еще никем не потревожен, я верю в это!

– Хорошо, что у тебя есть вера, приятель, – ответил человек. – А у меня ее почти уже нет.

– Ищи, я прошу тебя. Не могу послать тебе напарника, пойми меня...

– Понимаю. – Собеседник полковника чуть помолчал. – Пусть доставят в мою пещерку мясных консервов, воды и вещей потеплее. Я чертовски обносился с этим проклятым держидеревом, а ночи становятся все прохладнее. Да, еще пару легких кроссовок.

– Я все сделаю. Ты только ищи.

Разговор завершился. Ждан убрал настройки и уложил телефон в сейф, предварительно вынув из него аккумулятор.

Работа шла, но результатов не было. Их отсутствие пугало полковника больше, чем угроза людей из исламистского центра.

Глава 2

Заложив руки за голову, Жулин лежал на спине и наблюдал за тем, как Маслов маскировал признаки костра, пылавшего совсем недавно. Придаться было не к чему, поэтому он сухой травинкой выковыривал из зубов змеиное мясо и молчал. Стольников это устраивало. Молчаливый прапорщик Жулин – это покой и тишина. Но стоило ему разговориться, и день превращался в бесконечность. Заставить его замолчать мог только Стольников или выход на задание.

Уже две недели группа перемещалась по Другой Чечне, не удаляясь от входа в лабиринт более чем на десять километров. Это расстояние позволяло чувствовать себя в безопасности от боевиков, обосновавшихся в «Мираже», и от людей Вакуленко. Стольников не знал, кто теперь командовал полутора сотнями людей Ждана, переодетых в форму грузинского спецназа. Да и нужды в этом не было. Какая разница – кто?

Несколько раз и только по ночам группа натыкалась на потерянных. Обычно все заканчивалось несколькими выстрелами, после которых одна тварь падала, а остальные разбежались. Но однажды потерянные подкрались так бесшумно, что Ключникову и Айдарову пришлось схватиться с ними врукопашную. Неизвестно, чем закончилась бы драка, если бы разведчики не проснулись. В результате этой схватки рука Ключникова оказалась прокушенной.

– Я не превращусь в потерянного? – спросил он санинструктора Ермоловича, но ответа не получил.

Медик вводил бойцу сыворотку от столбняка. Ключников заглядывал ему в лицо то сбоку, то снизу и настырно повторял вопрос.

– Да ни в кого ты не превратишься! – разозлился Ермолович, вытягивая иглу из разведчика и обретая дар речи.

Шприц он тут же вставил в податливую землю и утопил в ней каблуком, подальше от чужих глаз.

– Тебя же не упырь кусанул!

– А похож на упыря!..

Патронов оставалось по четыре магазина на каждый автомат и три для «Винтореза» Айдарова. Пищу приходилось добывать часами. Прожорливые потерянные, разбежавшиеся из вольера, устроенного в поселке Южный Стан, съедали на своем пути все, что попадалось им на глаза. Группа часто натыкалась на обглоданные кости, разбросанные в радиусе как минимум десяти метров, клочки шкур лис и шакалов. Однажды была найдена косуля. Вернее говоря, то, что от нее осталось – рога, копыта и ребра, словно отполированные наждачной бумагой.

Основной рацион Стольников и его людей составляли змеи и зайцы, которых тут было в изобилии. Гадюк и полозов потерянные, по всей видимости, боялись, а угнаться за ушастыми не могли. Куда легче стадом в десять-двадцать особей загнать косулю. Таким вот образом вся дичь Другой Чечни была расписана между бойцами и потерянными. Справедливым такой дележ назвать было нельзя.

Змей и зайцев Саша привык есть давно, в середине девяностых, когда только прибыл на службу на Кавказ. Змеи – вкуснейшее блюдо, если приготовить их правильно. Главное, не разрезать желчный пузырь. Надо отрубить гаду голову и чулком спустить кожу. Вынуть внутренности, промыть, порезать. Потом остается только выбрать, в каком виде съесть. Змеиное мясо, поджаренное на подсолнечном масле, напоминает курятину. Вареное удивительно похоже на рыбу. Теперь же и выбирать не приходилось. Стольников вел группу вдоль берега реки, не приближаясь к воде менее чем на триста метров. В случае необходимости наполнить фляги можно было в ручьях, которых здесь имелось великое множество. Змеятина, варенная без соли, уже

порядком надоела, но это был единственный источник животного белка, если не брать во внимание немногих подстреленных зайцев.

– Мы в раю, господа, – сказал Стольников, располагаясь рядом с Жулиным. – Все условия для приобщения к здоровому образу жизни. Сигарет, кофе, соли и сахара у нас нет. Мясо только вареное, что исключает панкреатиты и гастриты. Вода чистая, солнце ясное. Наслаждайтесь, пока есть возможность.

– Если бы сюда доставить кусок мыла, то я и не торопился бы свалить куда подальше, – заметил Жулин.

– Зато сколько драйва! Засыпаешь и ждешь, когда на тебя прыгнет потерянный. Сплав по алтайским речушкам – детский сад, Олег! Вот где настоящая жизнь!

Никто не спрашивал, что задумал Стольников. Привычка молчать вместе с командиром давно устоялась в этих немолодых уже людях. Они знали друг друга треть жизни и менять привычки не собирались. Придет время, и майор скажет, что нужно делать.

Последние два дня их перемещения носили спокойный характер. Потерянные бойцов не беспокоили, боевиков и людей в грузинской форме в поле зрения цейсовской оптики Сашиного бинокля замечено не было. Но до этого не реже одного раза в трое суток он видел, как появлялся на горизонте армейский «зиллок» с тентом. Он исчезал в ложбинах, снова всплывал на холме и уходил за горизонт. Саша был уверен в том, что их группу искали. Лучшие люди спецназа покойного Вакуленко рыскали, выискивая следы разведчиков. Это и заставляло людей Стольникова двигаться, замечать следы и закапывать даже спички.

В поддень солнце раскаляло землю как сковороду, и тогда Стольников уводил людей в «зеленку». Там, в тени, они пережидали несколько часов, переговариваясь и дремля, а после снова двигались. Казалось, этим переходам конца не будет.

Они расположились у подножия высоты, густо поросшей деревьями. Вошли в лесок метров на тридцать, оценили прохладу, почувствовали нешуточную истому и опустили на землю.

– Саша, у меня осталась одна трофейная «эфка». Пойду-ка от греха подальше растяжку поставлю. А будет все нормально, сниму перед уходом, – проговорил прапорщик Жулин.

– Только быстро, – согласился Стольников, поглядывая на небо.

Солнце едва преодолело зенит, день обещал быть бесконечным. Как, впрочем, и все предыдущие.

Углубившись в лес на сотню метров, прапорщик вынул из кармана моток стальной проволоки и гранату Ф-1, встал на колени, осмотрелся и прикрутил ребристую «лимонку» к стволу деревца. Потом он выбрал ветку метрах в десяти правее, примотал к ней один конец проволоки, слегка натянул ее, прижал чеку к корпусу гранаты и вынул усики. Жулин зубами выпрямил их, ими же прикрутил к концу стальной нити и вставил обратно во взрыватель. Проволока оказалась натянутой на высоте десяти-пятнадцати сантиметров над землей, утонув в траве. Осталось только тронуть ее ногой. Разогнутые усики легко выйдут из гнезда, и невнимательному ходоку будет дано аж три целых две десятых секунды на то, чтобы упасть на землю.

Жулин еще раз осмотрелся. Если незванный гость спустится с холма, то он обязательно пойдет между этих двух деревьев, потому что справа и слева от них густеют заросли. Трещать сучьями никто не будет.

Он вернулся, растянулся на траве и, к великому неудовольствию Стольникова, заговорил:

– Помню, учился с нами науке освобождать оккупированные территории некий Дима. Фамилии его называть не буду, скорее всего, жив человек, так что пусть ему не икается. Ну вот, в одно прекрасное сентябрьское утро, перед занятиями по тактике, отправился данный военнослужащий за картами. Три года он беспристрастно и ответственно справлялся с должностью их разносчика. Перед каждым полевым занятием он убывал в секретную часть, где ему торжественно, под роспись, конечно, вручали топографические карты, выпущенные еще году

этак в сороковом. Ясен пень, секретности в них оставалось, как сала на собаке. Это был скорее постапокалиптический чертеж, на фоне которого мы должны были заниматься сталкерятиной с всамделишными автоматами и в сапогах. Так нам прививали любовь к военным тайнам. Мы выходили в сибирские просторы, играли там в карточную игру под названием «Синие дрючат красных и отходят», но самым решительным образом не могли привязаться к местности. Окажись такая карта в руках хана Кучума, быть бы Новосибирску столицей Африки. Многие во время тех занятий морально истощились и потеряли веру в непобедимость Красной Армии. Особенно те, кто был силой взят из аула в качестве будущих курсантов военно-политического училища. Они клялись хлебом, что еще никогда в жизни им не приходилось самоопределяться в пространстве, где снег при ходьбе заваливается за воротник даже в отсутствие пурги.

– Подожди, дорогой!.. – привстал на локте Мамаев. – Какое военно-политическое училище? Ты чего там плетешь, прапор?

Стольников рассмеялся. Биография прапорщика Жулина была ему хорошо известна.

– Это я сейчас прапорщик, – не обижаясь, пояснил Жулин. – Но два года учился в военном училище. Пока не выперли.

– А за что выперли-то? – поинтересовался Ключников.

– За драку его выперли, – пояснил Стольников. – На втором курсе в кабаке какому-то нефтянику морду набил, а чтобы остальные не дергались, воткнул в столешницу ножку стула.

– Как это – воткнул? – Мамаев похлопал глазами.

– Вот так и воткнул. А потом сжал зубами стакан и начал стеклом хрустеть. Приехали менты, и учеба Жулина закончилась. Тем, кто ест стекло, не место среди офицеров. Хотели в психушку отправить, но начальник училища смиростивился и отослал его в войска. Потом Олег подался в училище прапорщиков. Они стекло жевать любят.

– Я как раз о похожем случае и хочу рассказать.

Спать всем расхотелось.

– Так вот, после занятий секретные карты, исчищенные окоченевшими руками, помещались в секретнейший же чемодан, который опечатывался секретной печатью. Секретчик Дима уносил его в секретную часть, чтобы секретные люди секретно уничтожили эти секретности. Ходили дикие слухи, что карты сжигались, чтобы, упаси господи, не оказались они в руках агентов западных контрразведок. Моя бы воля, я бы им специально тот чемодан подбросил. По этим картам да с нашими-то пометками вероятные враги сорок лет наступали бы спиралью и появились бы не у Москвы, а у Шпицбергена. Белые медведи откусили бы им жопы, а остатки мозга вдолбили бы полярные куропатки.

– Ты, я вижу, до сих пор зол на те карты? – тихо спросил Айдаров.

Все хохотнули, а Жулин сделал вид, что его это не интересует, и продолжил излагать свою сагу:

– Так вот, в восемь десять ушел Дима в секретную часть за картами и, короче, не вернулся. То есть вернулся, конечно, но не к восьми тридцати, а к четырнадцати ноль-ноль. В руке его был секретный чемодан, битком набитый секретными, стало быть, картами. Преподаватель тактики подполковник Мордвинов поднимать шухер не стал, ибо сам когда-то был курсантом. Но после занятий стало ясно, что шухер поднимать придется. Ибо пропал будущий офицер. Это во-вторых. С чемоданом секретных, мать-перемать их, карт. Это во-первых. Лишь за минуту до сбора всего училища по тревоге пропажа объявилась и доложила, что утром, отправившись из учебной части в казарму, оказалась во власти нереально черных дыр. Мы потребовали дополнительных объяснений, так как оргазм в самоволках тоже испытывали, но ни разу не использовали для этого чемодан с секретными картами. Ведь у нас есть шесть курсантов, претендующих на золотую медаль, а инопланетяне с попой вместо головы останавливают свой выбор на том, кто в слове «рекогносцировка» делает семнадцать ошибок.

– Ошибок, – поправил Ермолович.

– Да какая разница. В качестве доказательства Дима предъявил упоительно сиреневую гематому под глазом и ожог второй степени на правой длани. Реконструируя былое, астронавт вспомнил, что прежде всего его свалил на сырую землю удар по лицу. Когда он очнулся, обнаружил себя в стремительном летательном аппарате явно импортного производства с мигающими лампочками. В свете этой цветомузыки к его курсантскому запястью какая-то скользкая тварь, явно пидор по жизни и прихвостень империализма, прилаживала электрод. К советскому запястью капиталистический электрод не приклеивался, и тогда тварь приварила его автогеном. Потом Дима странствовал в дальних мирах, видел их перекрестки и закачивался по самую ватерлинию данными о вооруженных силах разных планет. Ну и, конечно, куда без этого, наблюдал за нами, стареющими и вяло двигающимися по службе. Сверху, разумеется. И так десять лет.

– А чего вернулся?

– Бежал, – объяснил Жулин. – Но лучше бы остался там. Пришельца отправили в медсанчасть, дав ему сопровождение. «Чтобы опять не унесли», – пояснил нам подполковник Мордвинов. Астронавт попал в распоряжение майора-начмеда по кличке Пиночет, популярного тем, что он частенько переживал мгновения гневного затмения. Сей доктор отлавливал курсантов, курящих у медсанчасти, и заставлял их сжирать бычки прямо так, непотушенными. Нужно ли говорить, что Диму он быстро поставил на ноги! Говорят, начмед хотел ложкой и отверткой сделать больному лоботомию, узнав, что с высоты пятисот тысяч километров было хорошо видно, что подполковника он так и не получил. Но Дима вовремя вспомнил, что это был не начмед, а начфин. В связи с появившимися смягчающими обстоятельствами Пиночет статус лечения понизил и повелел встроить аутлендеру по уколу пенициллина без новокаина в каждое полушарие. В ту ночь, говорят, не спала вся медсанчасть и еще десяток гражданских многоэтажек по соседству. Все были потрясены и смяты тем, как быстро Пиночет обучил Диму джиге. Есть такой ирландский танец.

– И что после с космонавтом было?

– Диму я больше не видел. Но, зная о ценности его персоны для внеземных цивилизаций, могу с уверенностью заявить, что сейчас он смотрит на меня и стучит инопланетным тварям о моей слабости – непреодолимой тяге к красивым умным женщинам. Так что в ближайшие месяцы мне придется сперва выяснять, что там у дамы внутри, и лишь потом вести ее в кафе или на выставку скульптур, изготовленных из некрашенных корней. Я патриот и просто так космическим хищникам не дамся.

Все медленно полегли на землю.

– Женщины, да еще и красивые!.. – с сарказмом выдавил Маслов. – Сейчас бы просто конфету. «Дюшес», леденцовую.

Еще семь секунд Стольников слышал только едва ощутимый стук молоточков в ушах. Кругом было тихо, как в раю.

А потом на поляну перед «зеленкой», трусливо поджимая хвост, выбежал шакал. Самый обычный, каких Стольников видал в Чечне десятки раз. Он заметил людей раньше, чем они его, встал в полусотне шагов от группы, разместившейся на траве, поднял морду и повел носом. Потом вдруг напрягся и прижал уши. Стольников заметил, как шерсть на спине животного слегка поднялась. Шакал замер.

«Он увидел не только нас», – понял Саша.

Вслед за этим случилось то, что заставило разведчиков забыть обо всем, кроме одного – где лежит оружие.

– В ружье!.. – прозвучал хриплый от волнения голос Жулина.

Саша вскочил на ноги и развернулся. «Зеленка», до этой минуты занятая вроде бы только его группой, ожила и выпустила из своей глубины боевиков, одетых в форму грузинского спецназа.

Люди убитого Вакуленко, руководимые кем-то из офицеров, оставшихся в живых, двигались по лесу полукругом, и майору была хорошо понятна цель этого движения. «Грузины» сжимали разведгруппу в кольцо.

– К бою!.. – прокричал Саша. – Одиночными – огонь!

Глава 3

Разведчики выстрелили вразнобой. В ответ застучали очереди, и Стольников различал среди них ударную дробь ротных пулеметов. Люди Вакуленко имели американское оружие. Значит, пулеметы – это М60. Их хрипловатый лай отличался от российских ПК, работавших с тяжеловесным стуком.

Стольников смотрел на холм, с которого спускались «грузины». Они вытесняли разведчиков на открытое место, и его пронзила мысль о том, что все очень похоже на то, как одиннадцать лет назад его точно так же выдавливала на равнину из «зеленки» банда Алхоева. В тот день он впервые вошел в Другую Чечню.

– Не отходить! – приказал майор, понимая, что пятиться некуда.

При каждом откате до очередной ложбины он будет терять людей. Стольников знал это, решил вкопаться в землю и биться до последнего.

«До чего последнего-то? – подумал он. – Человека или патрона?»

Людей было мало. Патронов, если учесть обстоятельства и плотность огня наступавших, не хватит и на час боя.

Но он принял решение остаться в «зеленке».

Тут вдруг потянуло холодком. Как будто по волосам его, играясь, прошелся ветер. В горячке боя майор это едва заметил.

Следом в лицо ударила горячая волна. Он не успел закрыть глаза, и боль в них была такой же мерзкой, как и привкус меди на губах. Стольников машинально пополз назад, чуть приподнялся. Меньше секунды прошло с тех пор, как перед ним появился шакал. Саша открыл глаза.

Мимо него пронеслось что-то огромное, похожее на ствол дерева, очищенный от сучьев. Майора на миг накрыла тень. Это что-то ломало кустарник, врезалось в шакала, снесло его с ног, и он полетел в сторону разведчиков. Так ветер сдувает со стола легковесную статуэтку из пластмассы.

Стольников едва успел увернуться. Визжащий шакал пролетел мимо него, почти коснувшись лица оскаленной мордой. В этот момент какая-то сила крутанула майора так, как будто кто-то перекинул его через бедро в борцовском зале. Он перевернулся и увидел, что в ста метрах за местом их привала, в глубине «зеленки», взорвался воздушный шар, наполненный красной краской, в мгновение ока расцветившей кусты.

Саша понял – это огонь.

Он услышал треск деревьев, разлетавшихся в разные стороны, словно хворост. На том месте, где они росли, теперь замерла огромная красная сфера.

Только сейчас майор услышал взрыв, раздирающий его барабанные перепонки. «Зеленка» встрепенулась, бросила ему в лицо все свои звуки, увеличив их мощность до максимума.

Объемный взрыв огромной силы поднял землю на высоту десятиэтажного дома, оглушил разведчиков и разметал их в стороны, забил землей рты и ноздри. Бойцы даже не пытались понять, что произошло.

Стольников кувыркался в воздухе как плюшевый медведь, брошенный ребенком. Его ударило о землю, засыпало ветками и дерном. В эти мгновения ему казалось, что его хоронят заживо.

Трещали падающие деревья. Сучья, похожие на обглоданные кости, комья земли, кубометры дерна – все это находилось в воздухе. Звуки перемешивались с цветом, с оглушительными криками своих и чужих.

Закрываясь рукой, Саша посмотрел перед собой.

Перед ним стоял «грузин». Вместо головы на его плечах торчал обрубок шеи, из которой бил черный фонтан.

В воздухе по-прежнему крутились куски человеческих тел, толстые сучья, сломанные, словно спички, взлохмаченные корни деревьев, вырванные из земли. Все это ударялось друг о друга, то исчезало в земляной каше, то снова появлялось.

Стольников понял, что эпицентр взрыва находился далеко от места привала, и облегченно выдохнул. Хотя насчет облегчения сказано слишком сильно. Воздуха ему по-прежнему не хватало, грудь болела от ударной волны, голова гудела.

Саша собрался и прокричал:

– Эй!.. Все в порядке?

– Нормально, командир!.. – донесся до него голос Ермоловича.

Майор повернул голову и спросил:

– А почему у тебя из носа кровь хлещет?

– Сучком ударило! Все нормально, я всех вижу!

Это была пока единственная хорошая новость.

Резкий внезапный свист заставил Стольникова пригнуться. Гигантская щепка, словно отколота топором, стрелой промчалась мимо, как на шампур насадила на себя обезглавленный труп и закинула его на дерево, под которым пытался прийти в себя Жулин. Прапорщик закрылся руками, когда лава горячей крови хлынула ему на голову.

Ударная волна катилась эшелонами. Стольников все еще чувствовал ее силу. Он вытянул руку, пытаясь найти опору. Это был взрыв. Но кто и как его произвел?

Пыль еще долго не осядет. Но уже сейчас майору было ясно, что новая ложбина будет глубже всех тех, что уже существуют в Другой Чечне.

– Я не понял, это что было? Моя «эфка»?! Ее чем, плутонием начинили?!

– Олег, возьми левый фланг! – прокричал майор, разрезая очередь пространство перед собой. – Ключников, Баскаков, со мной!

Двигаясь вперед наугад, как в дымовой завесе, бойцы стреляли незнамо куда. Ответной пальбы больше не было. Видимо, «грузины» решили отойти и разобраться, что же такое произошло.

Стольников слышал выстрелы слева. Часть группы, ведомая прапорщиком, шла параллельным курсом.

Внезапно перед майором появился один из людей Ждана. Он кашлял, размахивал руками, ничего не видел и не стрелял, потому как совершенно не понимал, куда именно нужно целиться.

Саша вскинул автомат и от бедра выстрелил, отсекая очередь в два патрона. Пробитый пулями в упор, «грузин» захрипел, выронил винтовку и покатился майору под ноги. Стольников перескочил через него и двинулся дальше.

Два или три раза перед его глазами представала неприятная картина. Разорванные тела солдат Ждана лежали как мусор, оставленный туристами. Повсюду валялись оружие, конечности, обрывки снаряжения и одежды.

– Стой! – приказал Стольников.

Все опустились на землю, заняли позиции за подходящими укрытиями.

– Назад!

Больше не было слышно ни воя, ни рыка. Но деревья вокруг продолжали падать. С тишиной по-прежнему не складывалось.

Уцелевшие «грузины» куда-то отошли. Поблизости не было видно ни души. Разведчики за какую-то минуту спустились к подножию высоты.

Стольников обошел своих, убедился, что все в порядке, и двинулся к тому месту, откуда доносился тихий, жалобный визг. Через десяток шагов он набрел на шакала. Животное агони-

зировало, едва шевеля передними лапами. Задние были оторваны, вместо них торчали окровавленные лохматые обрубки.

Стольников вынул из кобуры «Гюрзу», направил ствол в голову шакала и нажал на спуск.

– Что это было, командир? – Отплеываясь и чертыхаясь, к Стольникову подошел Ключников с «Валом» в руке.

– Это была ракета «земля – земля», парень.

– Что за хрень! – взревел Жулин, пытаясь стереть с себя чужую кровь. – Откуда здесь могла взяться тактическая ракета?!

– Оттуда же, откуда все остальное! – Стольников вдруг почувствовал прилив гнева. – Сука!..

– Да кто сука-то? – робко поинтересовался Айдаров, осматривая ночной прицел, висевший у него на поясе.

– Как он нас вычислил? – Майор ударил кепкой о землю, взъерошил волосы. – Я не понимаю, как такое могло случиться.

Бойцы догадались, что Стольникова сейчас лучше не волновать, не доставать вопросами, разошлись, встали спиной к равнине и вглядывались в «зеленку».

– Рация Зубова... – продолжал бормотать Саша. – Но я ее разбил и выбросил в пятистах метрах от Южного Стана. Что еще? Я не понимаю.

Вдруг его взгляд упал на две трофейные винтовки М16, висевшие за спинами бойцов. Патронов к ним было не больше пятидесяти, поэтому использовались они в основном для охоты на зайцев. Майор взял одну из них, отстегнул магазин, удалил патрон из патронника и подошел к абрикосовому дереву, наполовину выкорчеванному взрывом. Он схватил винтовку за ствол и изо всех сил ударил прикладом по бедному абрикосу.

Пластмасса раскололась только со второго раза.

Саша осмотрел винтовку, отшвырнул ее и поднял приклад.

– Командира оглушило, – шепнул Маслов Ермоловичу. – Ты бы дал ему каких-нибудь пилюль.

– Сейчас я ему скажу, он тебе все даст.

Маслов отошел в сторону и стал наблюдать за тем, как майор ломал приклад. Теперь уже ножом.

– Вот оно.

Услышав эти слова, Жулин тут же подошел к Стольникову. Тот повернул к нему приклад так, чтобы было видно его содержимое.

– Что это?

Внутри приклада на солнечном свете блеснула крошечная металлическая плата.

– Это, строго говоря, жучок, товарищ прапорщик.

– А зачем в винтовке «грузина» жучок? – ошеломленно выдавил Мамаев.

Стольников с размаху запустил приклад вверх крон деревьев, взял вторую винтовку и разбил тем же способом. В ее прикладе он увидел то же самое.

– Вывод?.. – Стольников яростно растер подбородок, послышался скрип двухнедельной щетины, уже переходящей в бороду. – В каждой «грузинской» винтовке имеются устройства, позволяющие отслеживать местонахождение хозяина оружия. Винтовки и все другое, что стреляет, – вещи номерные, закрепленные за конкретным лицом. Таким образом, сидя в операторской НИИ, можно с точностью до метра устанавливать местонахождение того или иного лица.

Айдаров посмотрел на свой «Винторез» и начал:

– То есть, если я сейчас расколочу приклад...

– Успокойся, а то я тебе расколочу! – строго оборвал его майор. – Это оружие из личного арсенала генерала Зубова. Здесь нет устройств слежения. А стрелялки людей Ждана, видимо,

напичканы электроникой. Вопрос в другом. Как Ждан узнал, что именно эти винтовки оказались в наших руках?

– А как ты думаешь, много ли сил нужно было потратить тому, кто сейчас руководит «грузинами», чтобы проверить личный состав, оружие и доложить Ждану по рации? – ответил Жулин.

– Но именно эти! Если мне не изменяет память, одну из них я забрал у бойца из отряда Вакуленко. У больницы дело было. А бесхозных сколько валяется!..

– Почему ты решил, что ракету навели по нашим винтовкам?

Стольников поднял красные от возбуждения глаза на Жулина и любопытствовал:

– Ты хочешь сказать, что Ждан отработал ракетой своих?

– А почему нет? Сколько ты видел здесь «грузин»? Полтора десятка нас обстреливали, не больше. Группе было дано задание выйти на нас, завязать бой, заставить закрепиться на рубеже и доложить о выполнении задания по рации. Зачем следить по маячкам тех, кто сгинул в первые часы боя в Южном Стане? Можно навести на нас конкретных людей и ударить. Ты заметил, куда угодила ракета? Двести метров за наши спины! Как раз там, где и находились люди Ждана. Офицер сообщил, что засек нас, и Ждан дал команду на пуск.

– Тогда нам нужно поторапливаться, пока кто-нибудь из оставшихся в живых не сообщил, что мы уцелели. – Стольников закинул автомат за спину и коротко свистнул: – Направление – высота.

Он приказал своим людям подняться по «зеленке» до верхушки холма. Это означало, что разведчики должны пойти навстречу людям Ждана. Саша решил, что ничего лучшего сейчас придумать нельзя. Уходить бессмысленно. Не эта, так другая «грузинская» группа сойдется с его людьми. Народа у полковника Ждана пока хватает. Кстати, отряд, атаковавший разведчиков, точнее сказать, его остатки, можно настигнуть сейчас. Бойцы Ждана оглушены, растеряны и почти все, конечно же, ранены. Самое время нагнать их и добить.

«Нужен пленный, – думал Стольников, поднимаясь и скользя меж деревьев. – Причем срочно! Еще патронов бы раздобыть».

Оружия и боеприпасов вокруг было много. Винтовки М16 и подсумки с магазинами валялись повсюду. Стольников видел даже «Вал». Но уже было понятно, что брать это оружие никак нельзя. Иначе группа окажется под полным контролем Ждана.

– Как же он так, своих-то?.. – пробормотал Жулин, идущий рядом.

Стольников внимательно посмотрел на него и ответил:

– Для этого человека не существует своих. Нас спасла «зеленка». Если бы она не была такой густой, то мы с тобой сейчас и не разговаривали бы.

Вскоре свет, проникающий в заросли, стал ярче, а деревья уже не так теснились друг к другу. Стольников заметил несколько пятнистых теней,двигающихся в сотне шагов впереди разведчиков. Почти столько же оставалось и до вершины высоты.

– Олег, видишь их?

– Вижу!

– Заводим наверх и работаем! Мне нужен один живой, ты понял?

Жулин ничего не ответил. Он что-то тихо приказал своим бойцам и широкими шагами стал отрываться от Стольникова.

Людей в грузинской форме было трое. Они потеряли из виду своих, двигались наугад, возвращались туда, откуда пришли. Возможно, это оказались последние из тех, кто пытался атаковать группу на склоне. Как бы то ни было, враги были вооружены. По их отчаянным движениям нетрудно было догадаться, что отдавать свою жизнь дешево они не собираются. Вскоре Стольников разглядел среди них офицера. Насколько он понимал в знаках различия грузинской армии, перед ним был лейтенант.

– Офицера оставить мне! – крикнул он так, чтобы его услышали и беглецы.

Люди Ждана сами облегчили задачу группе. Словно сговорившись, они разделились и стали уходить уже вниз по склону в трех направлениях. Парни в грузинской форме из последних сил перевалили через холм и скатывались с него, стараясь обходить деревья. Чем ниже спустилась погоня, тем гуще становился лес.

Стольников понял, что с кроссом по пересеченной местности пора заканчивать. Иначе эта троица сейчас войдет в самую гущу «зеленки», развернется и откроет огонь. Это будет лишь новая потеря сил и времени.

Майор прекратил бежать, на согнутых ногах, управляя ступнями как лыжами, доехал до ближайшего дерева. Трава была густа, так что это не составило труда. Он скользил, как по снегу. Сложнее было остановиться. Стольников уложил автомат на сук, несколько раз выдохнул, успокаиваясь, и тщательно прицелился. Стрелять надо было так, чтобы бегущий офицер остался жив. Сделать это не так уж и просто.

Когда майор катился к дереву, он передвинул предохранитель автомата на одиночную стрельбу. Сейчас ему оставалось только плавно нажать на спуск и молить Господа о том, чтобы беглец не запнулся или не присел, поскользнувшись.

Выстрел грянул, «грузин» упал.

Саша снял автомат с ветки и бросился туда, где исчезла в высокой траве голова человека из отряда Ждана.

Он не хотел умирать. Пуля, выпущенная кем-то из преследователей, ранила его в бедро. Лейтенант был сбит с ног и с десятков метров катился по сухой густой траве. Пуляковое сквозное ранение, которое в стационарных условиях даже не рассматривается как угроза здоровью. Но это только тогда, когда остановлено обильное кровотечение, зондирована рана и наложена антисептическая повязка. Остается соблюсти постельный режим и глотать витамины. Беглец не имел ничего. Даже куска веревки, чтобы перетянуть бедро.

Он поднялся и побежал, с досадой пытаясь разглядеть среди листвы спины товарищей. Им повезло больше. Они уходили, и расстояние между ними с каждой секундой увеличивалось. За спиной несколько минут назад кто-то крикнул: «Офицера оставить мне!» Это значило, что скоро произойдет встреча.

Опираясь на здоровую ногу, лейтенант скакал и, как уж мог, сдерживал ладонью кровь, сочащуюся из раны. Туда, вниз, как к спасительному рубежу, где его ждет отдых и уход!

На самом деле не было ни спасительного рубежа, ни ухода. Ничего не было. Он просто бежал, не желая умирать. Надо же было такому случиться, прямо в бедро, насквозь!.. Лучше, чем с пулей, засевшей в мышце, но этот выстрел замедлил его продвижение, превратил в добычу номер один.

Лейтенант потрогал рукой кобурку на здоровом бедре. Винтовка вылетела из рук, когда в ногу ударила пуля. Боли он не чувствовал, лишь с отчаянием ощущал, как в него, вытесняя азарт погони, проникал страх. Он тяжелил ноги, туманил мозг и не давал дышать ритмично. Только часто, лишь горлом, неполной грудью.

Животное чувство страха не смогло прогнать боль. Человек, углублявшийся в лес, окончательно потерял выдержку. Он икал и рычал, стремясь разорвать расстояние между ним и преследователями, а оно становилось все меньше и меньше.

Офицер уже слышал шаги за спиной. Треск сухих сучьев резал слух. Ему стало понятно, что теперь его жизнь не стоит ничего. Эти волки загонят его душу в преисподнюю раньше, чем он доберется до подножия высоты. Да и что там может быть хорошего?

– Баскаков, прими этого!.. Я помогу Олегу!

Тот, кто приказывал оставить офицера живым, теперь передал его какому-то Баскакову. Но в беглеце вдруг что-то взорвалось. Трудно сказать, отчаяние это было или же злоба на

собственное бессилие, да только лейтенант выхватил из кобуры «кольт» и, глухо матерясь, роняя слюну и кашляя, завалился за ствол дерева.

«Я выживу!» – пообещал он себе.

Но окрик, раздавшийся в лесу, заставил офицера вернуться из мира иллюзий в проклятую реальность:

– Эй, дружок! Шевельни мозгами, если они у тебя еще остались! Ты ранен, патронов у тебя ровно столько, сколько нужно, чтобы застрелиться! Ты уже никуда не уйдешь. Брось пистолет и выходи! – Баскаков говорил, прижавшись спиной к дереву.

Он сидел лицом к вершине и вынужден был кричать куда-то в небо:

– Через полчаса ты уснешь от потери крови!

Ответом ему была тишина.

– Он думает, – объяснил Мамаев сержанту. – Видимо, есть смысл ускорить этот процесс.

Встав на колени, он трижды выстрелил в дерево, за которым лежал лейтенант из отряда Ждана.

– Он спятил, – снова доложил сержанту Мамаев. – Рехнулся. Давай-ка я обойду его справа, и это дело закончится.

– Ты не слышал? Стольникову он нужен живым!

– Ну, тогда ждем.

Лейтенант появился из-за дерева и дважды выстрелил в сторону разведчиков.

Когда на их головы упали последние ветки, Баскаков спросил:

– О каком количестве патронов мы сейчас говорим?

– У него армейский «кольт» сорок пятого калибра. В штатном магазине десять патронов.

Если предположить, что четыре раза он в нас уже выстрелил, то осталось шесть.

В двадцати метрах от них снова началось движение, раздался крик:

– Убирайтесь отсюда, здесь территория Грузии! Все равно вы все сдохнете! Предатели и изменники!

По сбивчивой речи Баскаков понял, что нужно действовать. Иначе, чего доброго, лейтенанту придет в голову застрелиться. Потом Стольников за это семь шкур сдерет. В первую очередь, конечно, с сержанта. Так всегда было.

После такой тирады ни о какой сдаче в плен и речи не могло идти. Баскаков это понимал, поэтому отложил автомат и показал Мамаеву глазами в сторону дерева, за которым засел истекающий кровью офицер Ждана.

После этого он прислушался к стрельбе на западном склоне и одним рывком влетел в чашу.

– Куда?! – яростно прошипел Мамаев. – Он через час и без этого отключится от потери крови!

– Зачем он Стольникову нужен без крови? – донеслось из кустарника. – Разговори этого героя.

По едва заметному шевелению верхушки шиповника было понятно, что Баскаков ползком огибал то место, где залег лейтенант.

Мамаев прижался к земле, чтобы его не могла зацепить шальная пуля, выпущенная из «кольта», и прокричал:

– Эй, генацвале, который русский! Ты только одно мне ответь! Зачем ты в своих стреляешь?

– Папа римский тебе свой, сука!.. – донеслось в ответ.

– Мне своя мама римская. Пока ты еще в состоянии соображать, я хотел бы тебе кое-что объяснить...

Он старался говорить, не прерываясь. Обстоятельства требовали без остановки забивать голову лейтенанта любой бестолковой информацией. Нужно было отвлечь его внимание от Баскакова, который сейчас находился всего в нескольких метрах от своей цели.

Лейтенант прижимался к земле и слушал Мамаева, пытаясь сообразить, чего от него хотят. Эта сумасшедшая гонка продолжалась уже две недели. Она заканчивалась для него тем, что он умрет от потери крови или от пули.

У лейтенанта еще хватило сил подумать: «А разве это не одно и то же?»

В этот момент из кустов вылетело что-то страшное. Не издавая ни звука, человек, подчиненный Стольникову, одним ударом выбил из его руки пистолет, а вторым...

Какие разрушения произвел второй кулак, лейтенант уже не помнил. Голова его после мощного удара резко дернулась. Он потерял сознание.

Глава 4

Баскаков разберется с раненым, Стольников был уверен в этом. Второго гнали и уже почти зажали на спуске у оврага Мамаев и Жулин. Оставался третий. Высокий светловолосый парень с сержантскими нашивками был проворен, как ящерица. Он уходил от деревьев, умело качая корпусом. Так делают опытные боксеры. Догадка о том, что перед ним неплохой рукопашник, раззадорила майора и придала ему сил. Когда до подножия холма оставалось не более полутора сотен шагов, он приблизился к сержанту на расстояние вытянутой руки и схватил его за куртку. Оба потеряли равновесие и покатались вниз.

Автомат Стольников выпустил из рук сразу же, как только коснулся земли. Он ему сейчас не требовался. Но «грузин» понимал, что находится в уязвимом положении, и вцепился в М16 обеими руками. Он так и катился, переворачиваясь через голову, с винтовкой в руках.

Стольников поднялся на ноги и без напряжения поспевал за ним, прыжками сокращая расстояние. Он мог убить сержанта, потратив на это один пистолетный патрон и пару секунд чистого времени. Но майора останавливали две причины. Ему нужен был пленный и не давала покоя мысль о том, что перед ним враг. Данный тип получил приказ его убить и готов даже вступить в рукопашную схватку. Это заводило и заряжало эмоциями.

Сержант вскинул винтовку. Стольников выхватил из кобуры «Гюрзу» и, не целясь, выстрелил в место соединения магазина с коробкой. Винтовка дернулась в руках сержанта, но он ее удержал. Перекос патронов был обеспечен, однако один из них уже находился в стволе. Чтобы выстрелить, «грузину» оставалось только нажать на спуск.

Бросившись вперед, Стольников передернул затвор чужой винтовки и скатился чуть ниже сержанта. Когда он поднялся, в лицо ему смотрел дульный срез М16.

– Прикажи своим дать мне коридор, и я тебя не убью, – прохрипел человек Ждана, рисуя стволом восьмерки перед самым лицом майора.

Видно было, что этот марш-бросок дался ему нелегко. Но с каждым мгновением Стольников убеждался, что силы сержанта восстанавливаются, его руки перестают дрожать, а дыхание выравнивается. Так работает организм человека, который когда-то активно занимался спортом, а теперь, в силу обстоятельств, работал в зале лишь для поддержания формы.

– Ты меня и так не убьешь, – ответил Стольников, пряча «Гюрзу» в кобуру. – У меня есть встречное предложение. Ты бросаешь ствол под ноги и отвечаешь на мои вопросы. После этого я дам тебе десять минут, чтобы потеряться. Увижу еще раз – убью! Это без приколов.

Сержант усмехнулся, покачал головой и нажал на спуск. Как и следовало ожидать, затвор сработал вхолостую. Патрон, недавно досланный в ствол, сейчас лежал где-то в траве. Передернуть не получилось – затвор лязгал впустую, не цепляя патрон, раздавленный в магазине пистолетной пулей.

Сержант сплюнул, откинул винтовку и положил руку на бедро. Стольников опустил взгляд и заметил, что ножны противника пусты.

«Потерял, видимо, при взрыве. Что ж, тем лучше», – решил Саша.

Треск сучьев за спиной и угрюмый вид сержанта убедили его в том, что подоспели разведчики.

– Где третий?

– Немножко мертвый.

– А я что велел?

– Командир, там Баскаков лейтенанта разговорить пытается.

– Я тут тоже пытаюсь кое-кого разговорить. – Майор посмотрел на «грузина» и заявил:

– Я тебе второй раз предлагаю, больше не буду.

– Больше и не надо.

Сержант принял боевую стойку. Хороший рукопашник, не новичок, никогда не торопится атаковать. Он хорошо знает, что на первый и последний удар у него всегда хватит времени, прекрасно понимает, какие последствия для противника будет иметь чистое попадание в убойное место. Но эта идея теряет смысл, когда разговор идет в «зеленке», в окружении врага.

– Ты можешь ничего не бояться, – успокоил его Стольников. – Принял решение, теперь доказывай, что был прав.

Сержант ударил первым.

Саша отшатнулся, услышал свист перед своим носом, но руки не увидел. Кулаки «грузина» работали стремительно.

Майор качнул маятник и коротко бросил:

– Кто командует вами после смерти Вакуленко?

– Ты думаешь, я тебя боюсь? – прохрипел сержант, которого бесило совершенно равнодушное лицо Стольникова. – Мразь!..

– Грубо, – заключил Стольников.

Разговорить пленного не получалось, хотя майор и надеялся на это. Грузин, окруженный чужаками, находящийся в шаге от смерти, должен был протрубить отбой, но вместо этого озлобился еще сильнее.

«Да, кадры Ждан подбирал хорошие», – подумал Саша и улыбнулся.

Тактика поведения была близка и понятна обоим. На ринге противника нужно прижать к канатам, тут – к деревьям. Сержант, рассчитывая на сокрушительный удар, рванулся вперед и на первом же движении поймал рукой пустоту, а печенью – сокрушительный удар слева.

Вынырнув из-под провисшей руки противника, майор качнулся в сторону и прямо перед собой увидел бритый висок. Бой можно было закончить прямо сейчас, но Стольников желал не этого. Несмотря на неприязнь и даже отвращение, этот упрямый верзила нравился ему своей неподкупностью. Среди своих это называется преданностью. Когда такое же качество проявляет враг, принято говорить о фанатизме.

– Любитель? – поинтересовался Саша. – На улице против троих ублюдков с велосипедными цепями ни разу не дрался?

Теперь майору пришлось не нырять, а отскакивать в сторону. Перед ним несколько раз мелькнуло лицо соперника, позеленевшее после удара в печень. В конце концов сержант все-таки его достал. Казанки мизинца и безымянного пальцев уже на излете чиркнули по губе, и Саша почувствовал во рту знакомый солоноватый привкус. Это был первый удар, который достиг цели, и сержант на долю секунды замешкался, оценивая урон, нанесенный врагу. На какой-то миг его подбородок оказался не защищенным снизу.

Глубокий мощный апперкот с разворотом туловища швырнул человека Ждана по такой дуге, что на миг Стольникову показалось, будто голова у того оторвалась. Но он знал, что это всего лишь нокаут. Жить сержант будет. Если сейчас не совершит ошибки.

Удар оказался гораздо сильнее, чем на это рассчитывал Саша. Его кулак вонзился не в сам подбородок, а под всю нижнюю челюсть. Пыль, вылетевшая из-под тела рухнувшего сержанта, заставила майора слегка расслабиться и немного подождать. Но «грузин» пришел в себя очень быстро. Из прокушенной губы вытекло немного крови. На глаза против воли навернулись слезы. Это не плач, а банальная реакция организма, такая же, как зевота или мгновенная бледность, покрывающая лицо при оскорблении. Тут от характера ничего не зависит. Почти двухметровый громила даже и не думал сдаваться или молить о пощаде. Он хотел убить Стольникова, окруженного друзьями. Это уже не реакция, доведенная до автоматизма, а воля.

– Командир, уходить нужно, – робко напомнил Маслов. – А там еще Баскаков с лейтенантом болтает.

– Успеем, – заверил Стольников.

Теперь он был уверен в том, что второго ракетного удара не последует. Ждан пока представления не имеет, куда бить. Вдобавок любой здравомыслящий военный, а Ждан к таким, конечно же, относится, должен понимать, что группа разведчиков уже ушла с высоты.

Поэтому Стольников никуда и не торопился. Пока нет достоверных данных о его присутствии в каком-то квадрате, Ждан не будет пускать еще одну ракету.

Сержант сам снял все вопросы об исходе схватки. Теперь он вел себя как простой мужик, которого жажда жизни торопит совершать ошибки. Унижаться красивым боем с отменным рукопашником он посчитал ниже своего достоинства. Сержант быстро наклонился, схватил винтовку, лежащую в траве, и стал совершать движения бейсболиста, выбивающего мяч в поле. Первое, второе, третье, четвертое...

Стольникову оставалось лишь дожидаться момента, когда тот увлечется. На очередном взмахе он поймал бойца Ждана на противоходе и с силой впечатал кулак ему в переносицу. Винтовка описала полукруг, упала на куст шиповника, скользнула по ветвям и исчезла из поля зрения.

Рассудительность покинула майора. «Грузин» уже терял сознание от ударов, шагал спиной вперед, находясь в глубоком нокауте. Его ноги передвигала чья-то чужая воля. Он был похож на развинченный механизм. Упасть ему не давали лишь новые удары. Кровь слетала с его лица, капала на листья и застывала. Наконец наступил момент, когда все должно было закончиться. «Грузин» все-таки упал.

Стольников встал на колени рядом с поверженным врагом и отвел руку, собираясь в последний раз обрушить ее на его переносицу. Саша знал, что за этим последует. Сломанные кости носа вонзятся в мозг, и грузное тело зайдется в агонии и через минуту затихнет.

Время шло, а он смотрел на губы «грузина», хлюпающие в судороге. Оставалось нанести один-единственный удар, но не мог этого сделать. Ненависть уступила место рассудительности.

«Я должен его убить, – подумал Стольников. – Иначе нельзя. Это враг».

Он понимал, что при следующей встрече этот человек убьет его не раздумывая, если, конечно, получит такую возможность, но не стал наносить завершающий удар. Стольников отвернул лицо от кровавой маски, сплюнул и, пошатываясь, направился вверх по склону. Туда, где ожидали его появления Баскаков с пленным.

– Устал командир, – шепнул Маслов Айдарову. – Навоевался.

– Ты о чем?

– Он его не добил.

– Значит, так было нужно, – ответил парень по кличке Татарин и закинул «Винторез» за спину.

– Не дело это, нет, нельзя так, – пробормотал Маслов, выхватил нож из ножен и остановился.

– Оставь его! – бросил через плечо Стольников.

– Но он же через час-другой выйдет на своих и доложит, что мы живы!

– Я сказал, оставь!

Маслов в сердцах втиснул нож в ножны и быстро стал подниматься по склону.

Сержант за его спиной открыл глаза, осмотрелся и увидел спины четырех разведчиков. Они успели отойти от него на двадцать метров, не больше.

Он привстал на локте и стал искать что-то глазами. Винтовка лежала в двух метрах, под кустом шиповника.

– Сейчас... – прошептал он, на четвереньках добравшись до нее и отстегивая магазин. – Сейчас!..

Выцарапав из магазина один патрон, он вставил его в ствол и тихо двинул затвором.

– Сейчас!

Сержант встал на колени, почувствовал опору и взял на прицел того, кто был ближе. Кажется, его называли Масловым.

Стольников шел, напрягая слух. То, что должно было случиться, он уловил бы даже при урагане. Майор шагнул, прикрыв глаза. Наконец-то среди тысяч звуков в «зеленке» раздался шепот затворной рамы, двигающейся по салазкам. Он резко обернулся и выбросил перед собой руку.

Три выстрела из «Гюрзы» прогрохотали так слитно, словно это была автоматная очередь. Одна пуля вошла сержанту между бровей и повалила его на землю. Дерево за его спиной было окрашено в темный цвет. Будто кто-то разбил о ствол бутылку бордо. Не выпуская пистолет из руки, словно забыв о нем, майор молча последовал дальше.

Айдаров посмотрел на Маслова.

Тот промолчал.

– Масло,хвати винтовку этого идиота, – приказал майор.

Ермолович со свирепым выражением лица перевязывал лейтенанта. Опасения Баскакова насчет того, что офицер из команды Ждана потеряет много крови, не оправдались. Это было кстати, поскольку из троицы беглецов только офицер и уцелел. Пуля прошла ему мышцу, входное и выходное отверстия располагались в пяти-семи сантиметрах друг от друга. Остановившаяся кровотечение, санитарструктор счел достаточным наложить тугую повязку.

Увидев приближение Стольникова и его людей, лейтенант затравленно замер.

– Как тебя зовут, парень? – поинтересовался майор, присев перед ним.

Ситуация выглядела комично. Тон Стольникова, его безмятежное поведение и щебет птиц в лесу не предвещали ничего дурного. Пыль после взрыва осела, птицы успокоились. Все очень напоминало пикник, но без еды и спиртного.

– Лейтенант Акимов.

– По имени как? – уточнил вопрос Саша.

– Геннадий.

– Вот что, Геннадий, мы сейчас сделаем. Я тебе задам пару вопросов, а ты мне на них ответишь. Что будет дальше – покажет время, да и твои слова.

Лейтенант поерзал на месте, соображая, к чему приведет столь ласковая прелюдия. После такого начала обычно отрезают голову или даруют жизнь и отпускают на волю с подарками.

– Ты знаешь, кто мы?

– Да. – Начав отвечать, лейтенант Акимов решил быть честным, как бы эта правда ни выглядела. – Вы – банда, которая подлежит уничтожению.

– Кто тебе это сказал?

– Полковник Ждан.

– Лично?

– Нет, не лично. Приказ на уничтожение отдавал полковник Бегашвили.

– Ты сам слышал, как командир батальона при УИН говорил такое?

– Нет, его распоряжение до нас довел майор Вакуленко.

– Он теперь мертв.

– Я знаю, – сказал лейтенант. – Я видел, как вы его убили.

– Тебя засекли, командир, – пошутил Баскаков.

Стольников поморщился. За последние четверть часа он падал так часто, что теперь чувствовал себя совершенно разбитым.

Саша устало опустился рядом с лейтенантом и проговорил:

– Я кое-что объясню тебе, дружище, а ты сам решай. Я – майор Стольников. Приказом начальника УФСИН по России назначен на должность две недели. Перед тем как Вакуленко и его люди, ты в том числе, убили генерал-полковника Зубова...

– Это неправда! Его убили вы!

– Заткнись и слушай, – перебил его Стольников. – Сейчас я тебе покажу кое-что. А там сам решай. Маслов!

Боец подошел и протянул майору винтовку М16, принадлежавшую погибшему сержанту.

Лейтенант глядел на это оружие без всякого испуга. При Стольникове был пистолет в кобуре и автомат на ремне. Убить он мог его, не прося ничего другого.

– Ваш батальон – это смертники. Те, которые выживут, останутся здесь навсегда. Но об этом после. Сейчас я хочу показать тебе, чего стоит твоя верность тем, кто тебя сюда направил. В частности, полковнику Ждану.

Стольников поднялся и с размаха врезал прикладом винтовки о ствол дерева. Оружие развалилось сразу на несколько частей. Саша поднял приклад, вытянул нож из ножен и снова присел перед лейтенантом.

– Знаешь, что это? – Он выковырял лезвием плату, уложил ее на ладонь и протянул лейтенанту.

Тот взял непонятную штуковину, рассмотрел ее, вернул майору и ответил:

– Очень похоже на какой-то процессор.

– Это самый обычный маячок. Такой спрятан в каждой винтовке, которыми вооружены люди вашей воинской части. Любой ствол отождествлен с именем владельца. Даже если хозяин такой пушки присядет под кустом справить нужду, полковник Ждан будет знать, куда принести рулон туалетной бумаги.

– Ну, допустим, – нехотя согласился лейтенант. – И что в этом плохого? Нанотехнологии завоевывают пространство. Дошел черед и до воинских частей.

– А еще по любому из этих маячков можно без труда навести оружие средней дальности. К примеру, тактическую ракету. Как ты думаешь, что полчаса назад ухнуло в этом прекрасном лесу?

– Хотел бы я знать.

– Приятель, я пришел на войну в середине девяностых. Думаю, тебе тогда было лет шесть-семь. С тех пор я не выпускаю из рук оружие, а поэтому очень хорошо отличаю звук разорвавшейся ручной гранаты от взрыва ядерной бомбы. Вас накрыли оперативно-тактическим комплексом «Искандер».

Лейтенант некоторое время гладил повязку на бедре, а потом выдавил:

– Нас?..

– А ты думал, что человек Аль-Каиды полковник Ждан пощадит тебя? Ты командовал этой группой в поиске?

– Я.

– Приказ на уничтожение моей группы ты получал от Ждана?

– Да.

– Ты доложил ему о том, что я и мои люди обнаружены у подножия этой высоты?

– Так точно.

– Он спрашивал тебя о расстоянии до нас? – Лейтенант молча таращил глаза на майора. – Ну?!

– Да. Я доложил, что не более ста шагов...

– Тогда почему тебя удивляет, что через минуту мы как фантики полетели в разные стороны? – Стольников взял лейтенанта за воротник. – С какого перепуга ракета ударила именно туда, где находились вы? Она грохнулась примерно в сотне метров от нас именно потому, что наведена была, скорее всего, на твою винтовку! Точнее, на прибор, который в нее вмонтиро-

ван! «Искандер» с четырехсот километров накрывает улицу в деревне, целясь в дом, зато с тридцати способен вбить гвоздь в стену! Ждан целил в вас, чтобы уничтожить нас, лейтенант.

Некоторое время они сидели молча, потом пленник вдруг пробормотал:

– Я видел ракетную установку.

– Где? – прищурился Стольников.

– Здесь, на территории Грузии. Километрах в пяти от входа в тоннель. Полгода назад.

– Это когда в СМИ появилось сообщение о том, что в ответ на распространение систем ПРО в Европе мы размещаем «Искандеры» в Калининграде и на Кавказе, – хмыкнув, пояснил Жулин. – Тогда они здесь и появились. Ну, правильно!.. Если сюда затащить пару-тройку тактических ракет, то их никто и не заметит. Особенно когда министр у нас такой, какой уж есть.

– Что ты хочешь сказать? – развернулся к нему Стольников.

– При нынешнем министре никто толком не знает, сколько у нас «Искандеров», да и всего прочего. Ждан запросто мог припрятать тут несколько комплексов. Они кое-кому потом ой как пригодились бы.

– «Искандер» можно в любой момент переправить на территорию Чечни, осуществить пуск, вернуть на прежнее место и замести следы, – заметил Саша.

– В Тбилиси тем временем обрушится здание парламента, – продолжил Жулин. – Система противоракетной обороны США зафиксирует пуск с территории России. Мировое сообщество узнает об ударе русских по члену НАТО. Фактически это будет война.

– А можно пустить не по городу, где живут православные, а, например, по Баку, – усмехнулся Стольников. – Чего не сделаешь ради великой цели? Это будет удар по мусульманскому миру.

Бойцы, рассеявшиеся неподалеку, снисходительно усмехнулись.

– О чем это вы говорите? – встревожился лейтенант.

Стольников положил ему руку на плечо и ответил:

– О страшных тайнах, приятель. Если я скажу тебе, где мы сейчас находимся, то ты навалишь в штаны и будешь просить, чтобы тебя поскорее отсюда увели. К маме, например.

– Я знаю, где нахожусь.

– И где?

– На территории Грузии, в соответствии с двусторонними договоренностями.

– Ты новости по телевизору смотришь? – вмешался Мамаев. – Прикинь, могут Путин и Саакашвили договориться о том, чтобы на территории Грузии появлялись русские тюрьмы и воинские части?

– Ты сколько здесь служишь, Геннадий Акимов? – спросил майор.

– Полгода.

– За это время ты видел хоть одного настоящего грузина-военнослужащего?

– Они выполняют смежные задачи западнее поселка Ахмета.

– Нет здесь поселка Ахмета! Нет здесь грузинских военных! Это не Грузия, мать твою! – без злобы прикрикнул Стольников. – Этой территории нет ни на одной карте мира! Ее не существует в природе, понял? Это – Другая Чечня. Совершенно иной мир. Только не спрашивай, как так получилось. Знай главное: полковник Ждан – военный преступник, член Аль-Каиды, международной террористической исламской организации. Вы – его вооруженная сила. На этом, пожалуй, и закончим. Погоди... у тебя есть связь с ним?

– Я докладывал по рации.

– Где она? – живо заинтересовался Саша.

– После взрыва...

– Понятно, – перебил Стольников. – Рация улетела в Катманду. Как обговаривалась связь на подобный случай?

Лейтенант посмотрел на Стольников, на Баскакова и вытащил из высокого ботинка кофейного цвета карту, сложенную в несколько раз и упакованную в прозрачную пленку.

– Нюх потерял? – Стольников обернулся к сержанту Баскакову. – Это ты так пленного проверил?

– Виноват...

Стольников забрал у лейтенанта карту, разорвал тонкий пластик, развернул лист и спросил:

– Почему она упакована как в магазине?

– Я имею право открыть ее только в экстренном случае, утратив связь.

– Ну, так, собственно, и произошло, – Стольников усмехнулся. – Что это?

– Карта местности.

– Я вижу, что не дама трэф. Что за кружки, нарисованные фломастером?

– Здесь обозначены места, где спрятаны резервные радиостанции.

Саша повертел карту и поинтересовался:

– Тебя не удивляет, Гена, почему масштаб так мал? На карте уместились всего двадцать квадратных километров.

– Больше и не нужно. Так установлено двусторонним соглашением.

– Ты слышал, что я сказал про это соглашение?

– Не очень убедительно сказали.

– Понимаю. – Майор поднялся и повертел карту в руках, ориентируя ее по сторонам света. – Значит, до ближайшей рации пара километров?

– Вы первый, кто видит эту карту, – ответил лейтенант. – Вам лучше знать.

– Разумно. – Стольников кивнул своим людям, требуя собираться. – Пойдешь с нами. Я тебе кое-что продемонстрирую. После сам решишь, на чьей ты стороне. Где его оружие?

Баскаков вытянул из-за пояса армейский «кольт».

Саша забрал у него оружие, сунул себе за ремень и скомандовал:

– Бежим за мной. Ермолович, присмотри за нашим раненым.

– «Нашим»... – проскрипел Ермола, толкая перед собой лейтенанта Акимова.

Через двадцать минут Стольников, Маслов и Айдаров вышли в указанный квадрат. Майор без труда обнаружил тайник под абрикосовым деревом, стоящим чуть поодаль от зарослей, опутывавших склон. В плотный пластик конвертом были уложены радиостанция и два запасных аккумулятора. В том же тайнике оказались пять банок тушенки и несколько пачек галет.

– Вовремя, – заметил Маслов, оживая. – Но мало.

Через несколько минут подоспели и остальные разведчики. Стольников вынул из-за ремня «кольт» и повесил за скобу на сук дерева.

– За мной.

Этот склон был пологим и длинным. Майору, идущему впереди всех, казалось, что ему не будет конца. Как только он достигал высоты, маячившей на уровне горизонта, она тут же превращалась всего лишь в край ложбины. Разведчикам приходилось спускаться в нее, а после снова подниматься. Через полчаса, удалившись от тайника более чем на километр, майор остановил группу. С высоты была хорошо видна равнина и тот самый склон холма, где их накрыло ракетой.

Саша включил «Моторолу», передал лейтенанту и предупредил:

– Только не соверши ошибку. Я люблю героев, когда они на моей стороне. Одно неверное слово – и вышибу мозги.

– Что я должен делать? – пробормотал лейтенант.

После нокаута он до сих пор чувствовал себя не так уж и хорошо. Боль в ноге и долгая быстрая ходьба добавляли пессимизма к этим мутным ощущениям. Лицо Геннадия Акимова

искажала гримаса, почти зловещая. Но в глазах парня присутствовало подтверждение того, что если он и совершит ошибку, то неумышленно.

– Сейчас ты свяжешься с полковником Жданом и скажешь, что майор Стольников и трое его людей находятся у тайника. Они преследуют тебя, ты просишь инструкции. Он потребует уточнить расстояние до меня и моих подчиненных. Ты скажешь, что не более семидесяти шагов. Понял?

– Почему вы решили, что он спросит о расстоянии?

– Скоро узнаешь.

Лейтенант поднес рацию к губам и вопросительно посмотрел на Стольникова. Тот угрюмо кивнул.

– Третий, я – двадцатый...

– Двадцатый, докладывай!..

Услышав голос Ждана, Стольников почувствовал, как к лицу его прилило тепло. Ждан словно сидел совсем рядом. От вызова до ответа прошло лишь мгновение. Оживились и бойцы.

– Группа Стольникова преследует меня, третий! Я жду инструкции!

– Сам Стольников жив?

– Жив. И трое с ним.

– Сколько от тебя до них?

– Семьдесят шагов, не больше. Что мне делать?

– Займи оборону. Подмога будет через пять минут! – Тут Ждан отключился.

– Подмога сейчас будет, – заверил Стольников, поняв, что разговор окончен. – Не сомневайся. Мощная такая!.. А теперь скажи, лейтенант, что тебя удивило в вашем разговоре?

– Ничего, – подумав, ответил Акимов.

– А что должно было удивить?

Лейтенант поморщил лоб, но боль в ноге мешала думать, затрудняла этот процесс по максимуму.

– Он не спросил, где ты находишься! – не выдержал Жулин. – Как же ты стал офицером, парень?! Полковник Ждан только что пообещал тебе помощь через пять минут, даже не поинтересовавшись, где ты!

Лейтенант Акимов стоял, смотрел себе под ноги и вяло моргал.

– Саня!.. – пробормотал прапорщик. – Я вот тут подумал. А если они по рации?..

– Зачем? Ракету можно направить только на рабочий сигнал. Этот они засечь не могли чисто технически. Да и к чему такие сложности, когда вон там на дереве работает корректировщик огня? – Майор осмотрелся. – Как сказал лейтенант Акимов, нанотехнологии завоевывают мир. Зачем теперь человек с рацией? Достаточно «кольта» на ветке! – Стольников еще раз оглядел местность. – Господа военные, я вам настоятельно рекомендую спуститься в эту чудную ложбинку. Товарищ лейтенант может оставаться здесь и смотреть кино из первого ряда. Чтобы хорошо видеть все то, что здесь сейчас будет происходить по приказу полковника Ждана.

Так и вышло. Все спустились, лейтенант остался. Он расстегнул куртку почти до пояса, стоял, покачиваясь, и смотрел вниз. Туда, где раскинуло ветви абрикосовое дерево, давно сбросившее плоды.

Тушенка была съедена, галеты поглощены, вода из фляг допита. Прошла еще минута, и землю очень не слабо тряхнуло. Из рук Баскакова вылетела банка, которую он вычищал ножом.

Взрыв страшной силы потряс «зеленку». Саша видел, как над их головами пролетело несколько сухих веток, оторванных от деревьев.

Лейтенант не сводил широко открытых глаз с того места, где все случилось. Наконец он зажмурился и невольно сделал шаг назад, пытаясь удержаться на краю, но не смог. Взрывная волна, катившаяся снизу вверх, повалила его на разведчиков.

Гена поднялся и кое-как выбрался из ложбины. Он встал на одно колено, а вторую ногу вытянул в сторону. Стольников не сводил с него глаз. Вдруг лейтенант наклонился, оперся руками о землю и завалился на бок.

Саша выбрался из овражка и сел рядом с Акимовым. Тот лежал и смотрел в одну точку, на острый травяной лист, торчащий из земли прямо перед его глазами. По этому листу полз муравей, никуда не торопясь.

– Вспоминаешь, вызывал ли огонь на себя, да? – спросил майор, закусывая былинку. – Что, никак не можешь сообразить, было ли такое?

– Суки проклятые, сдохнете ведь! – Эти ласковые слова адресовались вовсе не Стольникову и не его людям.

Майор рассмеялся, потряс пальцем перед лицом Гены и заявил:

– Надо же, какое же ты верное определение подобрал. Ни убавить, ни прибавить! Молодец, лейтенант. Далек пойдешь. Есть в тебе признаки ясновидения.

Пауза затянулась. Бойцы молча ждали окончания главного разговора.

– Кому я служил эти полгода? – наконец-то выдал лейтенант. – Что происходит?

– Ответ на первый вопрос я тебе уже дал. А что касается второго... ты на самом деле хочешь знать?

– Да.

– Это длинная история.

– Кто вы?

– Я – русский офицер Стольников. Эти люди – бойцы, верные присяге. Тебе осталось понять, кто ты, выбрать, на чьей ты стороне.

Лейтенант поднялся, обвел всех красным растревоженным взглядом и проговорил:

– Я готов выслушать эту историю, если позволите.

– Тогда тебе придется идти с нами.

– Это я и собирался предложить.

Стольников поднял на него взгляд и предупредил:

– Тогда тебе придется смириться с тем, что ты скорее умрешь, чем выживешь. Еще с тем, что я команду этим подразделением и приказов не повторяю.

– Меня это устраивает, – упрямо подтвердил лейтенант Акимов. – Не люблю дважды подряд слушать одно и то же.

– Тогда добро пожаловать в ад, товарищ лейтенант, – с улыбкой произнес Саша, а потом вошел на пригорок, чтобы оценить масштабы разрушений.

Пейзаж изменился до неузнаваемости. У подножия высоты чернела и дымилась воронка размером с хороший строительный котлован. Лес по опушке занялся резвым огнем. Пламя заставляло ветки трещать, быстро перебиралось на деревья, нетронутые взрывом, поднималось все выше и выше.

– Уходим? – спросил Жулин.

– Нет, мы остаемся.

Прапорщик почесал подбородок и вопросительно уставился не на Стольникова, а на Баскакова, стоявшего рядом. Бойцы терпеливо ждали объяснений.

– Лейтенант, что бы ты на месте Ждана сейчас сделал? – спросил Саша, невозмутимо глядя ему прямо в глаза.

– Выслал бы группу, чтобы собрать доказательства гибели Стольникова и его людей.

– Работает голова, похвально. А почему он не сделал это после пуска первой ракеты?

– Если в наше оружие установлены чипы, значит, в НИИ видели, что происходит перемещение личного состава. Гарантий вашей гибели не было, доложить в НИИ я не успел – рацию как ветром сдуло. Поэтому Ждан ждал развития событий.

– В училище отличником был? – поинтересовался уязвленный Жулин.

– Нет, два раза даже хотели отчислить.

– За что? – спросил Маслов.

– За жену ротного...

Все расхохотались.

Через две минуты ветер занес в опустевшую ложбину несколько прошлогодних листьев, покрытых пылью.

Глава 5

Он ждал этого доклада. Первый пуск, конечно же, дал какие-то результаты. Ждан жутко не любил это словосочетание: «какие-то»! Слыша его, он понимал, что человек, говорящий так, совершенно не в теме. Но полковник не знал наверняка, жив ли сам Стольников. Да и вообще, могло стать так, что ракета накрыла группу Акимова. Нужны были доказательства. Он решил ждать еще. Сутки, двое, трое, две недели... Разведчики рано или поздно где-то засветятся. Они не могут вечно скитаться по Другой Чечне.

Напряжение было велико. Несмотря на неограниченное финансирование и возможность получать вооружение крупными партиями, за пуск «Искандера» отвечать придется. Одно нажатие кнопки оператором стоило миллион долларов. Успокаивало полковника только то, что об установке его могли спросить очень не скоро. Не пройдет и полгода, как начнется то, ради чего Ждан и был введен исламистами в НИИ. Возможно, потом и спрашивать некому будет. В ходе газавата потери «Искандеров» станут исчисляться сотнями.

Сейчас Ждан ощущал себя Саадом ибн Абу Ваккасом. Этот мусульманин первым выстрелил из лука во время похода на Рабинг, в котором участвовал пророк Мухаммед. Но вестей из Другой Чечни не было, если не считать донесения из «Миража». Карающая стрела пролетела мимо. Что теперь стоят хорошие вести из тюрьмы без достоверной информации о гибели Стольникова и его людей?

Об одном жалел русский полковник Ждан. Пусковая установка у него имелась, но не было «Искандеров» с кассетной боевой частью. Ракеты, оказавшиеся в распоряжении заместителя Аль-Каиды на Священной территории Аллаха, могли оказывать на противника лишь объемно-детонирующее действие. Их боевые части проникали в землю на весьма большую глубину, и уже там происходил взрыв. Окажись в его руках ракеты с осколочно-фугасными головками, да еще имеющие способность подрываться в десяти метрах над целью, и уже не было бы причин для беспокойства. В этом случае все живое превращалось в мертвое в радиусе полукилометра. Эти свойства пришлось бы очень кстати. В восьмистах метрах от земли боевая часть раскрывается, распадается на составляющие и уничтожает любую цель.

Но «Искандеры» изначально предназначались не для этого. Пусковая установка и несколько ракет были доставлены полковнику при участии лиц, входящих в руководство военного ведомства. Министр обороны России ни дня не служил офицером и имел весьма отдаленное представление об управлении войсками. Он подписывал документы не глядя. Махнул «Паркером», и бумаги, касающиеся передислокации тактических ракет малой и средней дальности из Краснодарского края в Чечню, заставили людей действовать. Как и все прочее, имеющее материальную ценность, ракеты канули в неизвестность. В данном случае – в буквальном смысле. Стартовые площадки для ракет в Другой Чечне не создавались, да в этом и не было необходимости. Во-первых, производить запуски здесь никто не собирался. Во-вторых, оператор мог отправить «Искандер» к цели откуда угодно, не выходя из кабины. Ракеты предназначались для целей куда более важных, чем группа разведчиков.

Но через две недели после того как Стольников словно растворился в Другой Чечне и увел за собой своих людей, Ждан осознал: времени нет. Нужно было срочно что-то предпринимать. Руководители Аль-Каиды не могли больше ждать. Революции, начавшиеся на Востоке с таким трудом и приводящие к власти исламистов, затихали и сдувались. Нужно было разжигать их. Начало этой священной войны тормозил русский полковник Ждан. Уже давно на его место можно было поставить преданного, а не проданного исламу человека, но у Ждана была власть, его знали, да и сам он как никто другой изучил Священную землю Аллаха.

И вот, наконец, долгожданное известие от Акимова!

Отдав приказ на пуск второй ракеты, Ждан потребовал следить за перемещением личного состава, видимого компьютерами. Некоторое время три маячка давали о себе знать, двигались, но потом остановились. Только «кольт», табельное оружие лейтенанта Акимова, по-прежнему перемещался. Значит, не стоял на месте и Акимов, если только его пистолетом не завладел кто-то другой. Лейтенант вышел на связь с места хранения резервной радиостанции. Все сходилось. Судьба Стольниково и его людей была предрешена. Как и Акимова, впрочем. Жизнь исполнительного, но глупого лейтенанта не стоит ровным счетом ничего, когда решаются задачи по переустройству мира.

Когда второй «Искандер» накрыл высоту, Ждан окончательно утвердился в мысли, что Зубов не рассказал Стольникову о системе контроля за личным составом. Хотя был ли смысл говорить об этом? Кто есть кто, было понятно тогда и без информации об оружии, начиненном чипами.

Ждан вызвал подполковника Ибрагимова. Этот человек занимал должность начальника управления по работе с личным составом, но на самом деле исполнял куда более сложные обязанности. Он использовался Жданом, когда какое-то важное мероприятие оказывалось под угрозой срыва. Полковник не мог часто рисковать человеком, которого ему в помощники подвели хозяева, но сейчас был именно тот случай, когда понадобились лучшие качества Ибрагимова.

– Мне нужны доказательства гибели Стольниково и его людей. Высота двести тридцать, южная сторона. Все найденное доставить в лабораторию НИИ. Кровь, одежду, оружие, фрагменты снаряжения, останки – все без исключения к вечеру вы должны передать экспертам.

– Сколько мне взять людей?

– Вы хотите заставить меня думать за вас? – поднял брови Ждан.

Была еще одна проблема. Все, кто служил в батальоне полковника Бегашвили, уже две недели находящегося в плену в тюрьме «Мираж», были уверены в своем нахождении на территории Грузии. На самом же деле они отправлялись в Другую Чечню. Тех, кто знал суть дела, не насчитывалось и сотни. Половина из них находилась в «Мираже», еще четверть была уничтожена в боях за Южный поселок и растерзана потерянными.

«Вот же еще проклятие – потерянные!» – поморщился Ждан.

Они расползались по Другой Чечне как тараканы и в любой момент могли наткнуться на человека полковника, ведущего поиск Источника. Впрочем, Ждан был уверен в том, что так далеко на север потерянные не зайдут.

Еще одна проблема заключалась в том, что группа Стольниково могла захватить кого-то из людей Ибрагимова, владеющего истинной информацией о Другой Чечне. В том случае, разумеется, если майор и его люди по-прежнему живы. Отправляя Ибрагимова на задание, Ждан не исключал такой печальной возможности. Оказавшись в руках Стольниково, бойцы Ибрагимова могли сообщить ему много интересного. Если неуловимый майор с таким вот багажом выйдет из Другой Чечни в Чечню обычную!.. Да уж, трудно даже представить, что произойдет в этом случае.

– К вечеру вы должны быть здесь. – Ждан дождался, когда Ибрагимов покинет его кабинет, и снял трубку с телефона.

Ирина жила в квартире отца, куда была проведена прямая линия.

– Что вы хотели, Ждан?

– Желал узнать, как у вас дела, Ирочка.

– Не называйте меня Ирочкой. И бросьте дурную привычку звонить в эту квартиру. –

Услышав частые гудки, Ждан покусал губу и положил трубку на аппарат, а потом проговорил: – Ничего, скоро все закончится. Ты поймешь, что я не так уж плох, каким кажусь.

Подумав о возможных вариантах развития отношений с Ириной, он открыл сейф и вынул из него телефон спутниковой связи.

– Что это было? – донеслось из трубки.

– О чем это ты?

– Я спрашиваю, что за фиговина разворотила высоту! Ты что творишь, кретин?!

Ждан помолчал. Кажется, он только сейчас вспомнил, где именно находился его человек.

– Что случилось? – невозмутимо спросил полковник, чувствуя, как его пробирает холодок.

– Я находился в двух километрах от взрыва! Чем ты кроешь высоты?!

– Я знал, что тебя там не будет. Так что успокойся.

– Идиот! Знаешь, мне все чаще начинает казаться, что для меня будет лучше и спокойнее, если я выйду отсюда и уеду подальше.

– Подожди! – требовательно заговорил Ждан. – Не нужно так нервничать. Я устранял людей, которые могли изменить наши планы. Лучше скажи, ты нашел его?

– Нет. Кажется, это бесполезная затея.

– Ничего подобного! Ты своими ушами слышал, что сказал тот человек из Крепости! На смертном одре люди неспособны на такие фантазии! Ты сам видел результаты анализов! Кровь двухсотлетнего возраста!.. Ты понимаешь, что это значит?! – Ждан рукавом куртки вытер пот со лба, нащупал на столе сигареты. – Я прошу тебя, успокойся и продолжи работу. Скоро все уладится. Ты найдешь Источник, я верю.

– Кто те люди, которых ты накрывал ракетами?

– Откуда ты знаешь, что ракетами?

– Я в авиации служил, парень, поэтому отличаю взрывы гаубичного снаряда и тактической ракеты! Кто они?

– Они?.. Это банда неудачников, решившая бежать из моего подразделения в Грузию.

– Для пресечения их бегства понадобился пуск? Не смей меня.

– Каждый, кто уходит в глубь Другой Чечни, представляет опасность для нашего дела! Дуракам везет, они могут отыскать Источник раньше тебя! Знать не будут, что это такое, уничтожат Источник или случайно увидят последствия его действия. Ищи. Недолго осталось, я знаю.

– Да, квадрат тридцать шесть – семьдесят. Это последний перед Мертвым Городом. Дальше они не пошли, я уверен.

– Удачи тебе.

– И тебе.

Ждан вернул телефон в сейф.

Пройдясь среди бойцов, оборудовавших место для засады, Стольников спустился с холма и еще раз присмотрелся. Лес не был густым, поэтому плотность огня и его распространение майора не беспокоили. Превратив в пепел подножие высоты, изуродовав «зеленку», пламя нехотя ползло вверх, над высотой висел густой сизый туман. Деревья не остыли, солнце палило нещадно, лица бойцов блестели от пота. Не помогал даже своеобразный макияж. Щеки и лбы разведчиков, специально испачканные золой, вскоре потекли. Находиться в зоне только что ушедшего пожара было неуютно, но выхода не имелось. Стольников знал, что Ждан обязательно пришлет подразделение для зачистки местности. Его людям нужно будет оценить размер зоны поражения и добыть доказательства гибели разведгруппы. Саша на месте Ждана поступил бы так же.

Поднимаясь к бойцам, он думал, что могло бы его заставить оказаться на месте полковника. Наверное, ничто. Даже угроза смерти. А она вряд ли висела над Жданом дамкловым мечом. Этот человек действовал сознательно, убежденно и зашел уже так далеко, что пересек черту, за которой возврат уже невозможен. Последний разговор с полковником убедил майора в этом. Нарушена работа тюрьмы «Мираж», боевики фактически на свободе. Более того,

организовано подполье, состоящее из матерых уголовников. Убит генерал Зубов, превращены в существа без души жители Другой Чечни. Ждану нет пути назад. Ему остается только одно – добить группу Стольников и двигаться дальше. А что дальше-то?..

– Акимов! – Стольников махнул лейтенанту рукой. – Ты что-нибудь знаешь о намерениях Ждана использовать тюрьму «Мираж»?

– Понятия не имею. Скорее всего, полковник Ждан хочет установить свой порядок управления заведением.

– Меня твои предположения не интересуют. Я задал конкретный вопрос.

– Нет, не знаю.

– Тогда скажи, на чьей стороне ты окажешься, если я дам тебе оружие?

Акимов вспыхнул, потрогал раненую ногу и заявил:

– Кажется, я уже выбрал!..

– Тебе это кажется, или ты выбрал?

– Товарищ майор, я хочу выйти отсюда. Навсегда. И рассказать о том, что тут происходило.

– Тогда сбереги время и для себя, и для меня. Вот пистолет, – Стольников вынул «Гюрзу». – Иди вниз и застрелись.

– Я вас не понял.

– Если хочешь остаться в живых, тебе придется подчиняться мне с этой минуты и до последней. Повезет – мы выйдем. Но после этого ты должен будешь исчезнуть. Как пропали все те, кого ты сейчас видишь, в мае две тысячи первого года. Меня вызвал генерал Зубов. Если бы не он, мы продолжали бы находиться в бегах. Ты многое узнаешь позже, а сейчас я просто хочу быть уверенным в том, что могу показать тебе спину.

Акимов криво улыбнулся и проговорил:

– Ну, если словам моим нет веры, тогда давайте свой пистолет! Кажется, это вас устроит больше всего! Первоочередной задачей нашей операции была ваша ликвидация. Ваша! И лишь потом – всех остальных. За последние три часа я уже десять раз мог лишиться вас жизни. Разве не так?

– Так. Жулин! Помоги лейтенанту отбить приклад у винтовки и разыщи ему десяток магазинов. Их тут как грибов...

Через десять минут, крутя М16 в руках, Акимов рассмеялся и заявил:

– Первый раз буду стрелять из винтовки без приклада.

– Немцы со «шмайссерами» воевали, и ничего, – подбодрил его прапорщик. – Зато смотри, сколько патронов.

Магазины были перепачканы сажей и смолой. Лейтенант уселся поудобнее и принялся вынимать из них патроны. Потом он очистил их.

Расположение засады Стольников устроило. Люди Ждана придут с востока. Высота растягивалась с севера на юг на пару километров. Это значит, что обходить ее враги не будут. Они попрут на остывшее кострище, к месту попадания ракеты. Растянутся у подножия и начнут подниматься, пройдут сотню метров. Когда на высоте окажется последний человек Ждана, нужно будет глушить все живое.

Стольников настораживало другое. Не хватало боеприпасов. Гранат не было вообще. Его бойцы подобрали пять американских винтовок М16 и по десятку магазинов к каждой из них. Серьезный бой с этим вести никак нельзя. А противник явится вооруженный до зубов.

– Олег, – тихо позвал он прапорщика. – Если они припрут огнеметы и минометы, то нам придется отступать. Сюда явится не взвод, сам понимаешь. Пятиться от двухтрех рот – сколько мы протянем?..

– Что ты предлагаешь?

– Все зависит от того, как скоро появится здесь подразделение Ждана.

Жулин посмотрел на часы и сказал:

– Пуск ракеты состоялся три часа назад. От Ведено до выхода из тоннеля – четыре часа. Проверка людей, оружия, снаряжения и отдача боевого приказа займет у них еще минут сорок. Если пехом, то до высоты три часа. Если на машинах...

– Они будут, разумеется, на технике, – перебил его Стольников.

– Тогда пятнадцать минут. Итого: пять часов минус три – если они приедут. Восемь минут три – если совершат марш-бросок.

– Значит, два часа осталось. – Стольников огляделся, спустился к подножию высоты, вернулся назад и приказал: – Баскаков! Возьми Маслова. Снимите с трупов малые пехотные лопатки. И бегом обратно.

– Что ты задумал? – оживился прапорщик.

– Ничего особенного. Главное, чтобы шанцевый инструмент прибыл.

Через двадцать минут, обыскав высоту, сержант и Маслов принесли шесть лопаток и восемь плиток шоколада. На плече Маслова висела связка фляг, наполненных водой.

– Больше ничего не было?

Хитро сощурившись, Баскаков с Масловым вывалили из карманов десять или двенадцать пачек «Мальборо». Радостно восклицая и вынимая из карманов зажигалки, бойцы бросились разбирать сигареты.

Стольников с удовольствием посмотрел на ротный пулемет М60, поставленный на сошки, улыбнулся и процедил:

– Хорош боров. А патроны-то к нему имеются?

– Я сейчас принесу, – ответил Маслов. – Поблизости валяются две коробки. Я глянул – ленты по двести патронов. Кажется, непочатые.

Саша посмотрел в спину Маслову, который скачками поднимался на высоту, принял пачку, протянутую Мамаевым, распечатал, прикурил.

– Неплохо вас снабжают, – заметил он, покосившись в сторону лейтенанта.

– Не нас, а их, – поправил Акимов. – Шоколад, кстати, швейцарский.

Глава 6

Рота под командованием подполковника Ибрагимова последовала от тоннеля на трех «КамАЗах». Машины, поднимая пыль, как на ралли «Париж – Дакар», шли с солидными интервалами. Когда до высоты осталось не более трехсот метров, они замерли. Десант посыпался на землю, тут же вытягиваясь в плотную цепь. Когда боевой порядок был выстроен, Ибрагимов отдал приказ, и рота, растянувшись на километр, двинулась вперед. В сотне шагов от высоты она разделилась. Второй взвод, следующий в середине, выдвинулся вперед. Бойцы бегом заняли передовую позицию. Рослые, крепкие люди Ибрагимова выглядели устрашающе. Первый и третий взводы сомкнулись и образовали вторую боевую линию.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.